

Л. И. ШАПОВАЛОВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТАНДАРТИЗОВАННОГО ОБРАЩЕНИЯ

Обращение, являющееся синтаксической единицей, способной изменять свои функционально-семантические показатели, обладает инвариантными свойствами, которые способствуют сохранению его категориальной определенности. Обращение, сконцентрировавшее в себе все инвариантные свойства и признаки, может быть названо стандартизо-

ванным. Стандартизованное обращение выступает как эталон, с которым сверяются различные модификации обращения с целью выявления их отличительных реляционных (привнесенных) признаков. Стандартизованное обращение с полным набором инвариантных свойств регулярно выделяется в предложении, следовательно, оно является единицей системы предложения и принадлежит к определенному уровню языка — синтаксическому. Таким образом, стандартизованное обращение — это синтаксическая единица, воплотившая в себе наиболее существенные, общие для всех его модификаций свойства и признаки, и предназначенная для реализации в составе предложения в качестве типизированного структурно-семантического компонента.

Основным инвариантным признаком обращения является внутренняя организованность, т. е. наличие у него многокомпонентной семантической структуры. Выражаемая (содержательная) сторона стандартизованного обращения раскрывается через его значение. Это значение является результатом обобщения контекстуального употребления обращений. В структуре предложения они замещают синтаксические позиции, имеющие определенное значение; значение синтаксических позиций экстраполируется на обращение. Значение типизированной синтаксической позиции обращения есть значение адресата речи. Поэтому и значение стандартизованного обращения следует рассматривать как максимально обобщенное и отвлеченное отражение одной из реалий действительности — адресата речи. Оно характеризуется расчлененностью на отдельные компоненты — семы.

Семантическая структура стандартизованного обращения включает три компонента-семы: адресативность, вторичность и звательность. Адресативность — это указание на соотношенность имени существительного или его эквивалентов в роли обращения с реальным адресатом речи. Компонент со значением адресата — семантическое ядро обращения, поскольку категория обращения опирается на понятие реального объекта речи. В силу этого на оси коммуникативной направленности обращение «привязывается» к полюсу объекта речи, противостоящему полюсу субъекта речи, и осознается носителями языка как символ лица или предмета, которому адресуется высказывание.

Значение адресата формально выражается в номинативности, т. е. в обозначении лица, воспринимающего обращенную к нему речь, независимым прямым падежом. За существительным в именительном падеже (после утраты звательного) закрепилась функция обозначения лица или предмета в качестве адресата речи. Соотношение «прямой падеж — адресат», подобно соотношению «прямой падеж — субъект действия», прочно утвердилось в языке, и поэтому независимая форма имени, с помощью которой среди объектов действительности выделяется лицо или предмет, воспринимающий предназначенное ему высказывание, служит идентификатором реального адресата речи.

Сема адресата предполагает наличие семы вторичности, назначение которой состоит в дополнительном указании на то, что адресат есть реальный участник речевого акта, собеседник, второе лицо. Уточнительная роль семы вторичности становится очевидной при сравнении семантических структур обращения и компонента со значением адресата в предложениях, выражающих информационный процесс. Обратимся к примерам:

- (I) Мама, я сказал правду.
- (II) Мальчик сказал маме правду.

Оба приведенных предложения включают компоненты со значением адресата — *мама* и *маме*. Семантическое содержание компонента-адресата в предложениях (I) и (II) может быть представлено следующим образом:

- (I) лицо (1) — адресат (2) — второе лицо (собеседник, участник речевого акта) (3)
(II) лицо (1) — адресат (2) — третье лицо (пассивный получатель информации) (3)

Значение лица является здесь тем признаком, который способствует выявлению роли адресата как непосредственного участника речевого акта в предложениях с обращениями и как пассивного получателя информации в предложениях, выражающих информационный процесс. Таким образом, сема вторичности является необходимым компонентом семантической структуры обращения, уточняющим содержание семы адресативности, так как сема вторичности содержит указание на то, что адресат — это активный участник речевого акта, собеседник, второе лицо.

Формальным показателем семы вторичности является грамматическое значение 2-го лица именительного падежа существительного, выступающего в роли обращения. Способность существительных в форме звательного падежа выражать значение 2-го лица отметил сначала А. А. Потебня, а позже, с большей определенностью, — О. Есперсен, который писал: «Звательный падеж, там, где он существует, указывает на то, что существительное употреблено как второе лицо»¹. Современные синтаксисты И. Е. Юдкин и В. П. Проничев, также опровергающие традиционное мнение об индифферентности существительных к категории лица, отмечают два весьма существенных компонента: 1) наличие у существительных категории лица, аналогичной категории лица личных местоимений и 2) способность существительных модифицировать значение лица в зависимости от выполняемой ими синтаксической функции². Действительно, значение лица является для имен существительных категориальным, потому что они, как и личные местоимения, способны характеризовать предмет (в широком смысле) по его отношению к речевому акту. Однако имя существительное отражает не какое-то фактическое «распределение по трем лицам», а то распределение, «которое производит само говорящее лицо»³, чем и предопределяется специфика категории лица у слов этого лексико-грамматического разряда. Она состоит в том, что категория лица существительного обнаруживает себя не у свободного имени (вне контекста), а при его функционировании в составе предложения т. е. на синтаксическом уровне. Ее отличительным формальным показателем, обязательным для каждой грамматической категории, является не флексия, как у глагольного лица, и не специфическая номера, соотносящаяся со строго определенным значением лица, как у местоимений, а синтаксическая позиция имени. Правомерность выделения синтаксической позиции как отличительного формального показателя засвидетельствована И. И. Мещаниновым, который указал, что в основе каждой грамматической категории лежат «семантически выделяемые в языке понятийные категории», получающие свое формальное выражение не только средствами морфологии, но и средствами синтаксиса⁴. Из этого следует, что и выделяемое в самом языке понятие предмета (в широком смысле) как «лица речи» становится грамматической категорией лица имени существительного, обнаруживаясь в синтаксическом строе предложения в позициях обращения, подлежащего, дополнения.

Процесс актуализации латентных (скрытых, неявных) у свободного имени значений лица в соответствии с занимаемой именем синтаксической позицией может быть назван персонализацией имени существительного. Персонализация обуславливается двумя факторами: коммуникативным, на который указал А. М. Пешковский — говорящее лицо «распределяет» личные значения, и предикативным, т. е. грамматическим строем, конструкцией предложения. Персонализация имени

по 3-ему лицу осуществляется тогда, когда при речевом оформлении коммуникативного акта наименование лица, избранного говорящим в качестве предмета речи, выполняет роль подлежащего или дополнения и соотносится с третьим лицом (когда любое название — это он, она, оно, они). Персонализация по 2-ому лицу осуществляется, когда наименование лица, избранного говорящим в качестве собеседника, функционирует как обращение и соотносится со вторым лицом (такое наименование — это ты, вы). Кроме того, возможна персонализация имени существительного по 1-ому лицу. Она осуществляется тогда, когда говорящий в качестве предмета речи избирает себя самого, но для обозначения такого предмета речи используется не личное местоимение «я», а имя существительное, которое и актуализует здесь латентное значение 1-го лица. Например: *Городничий* (в сердцах). ...Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурочен *городничий* (Н. Гоголь). Персонализация по 1-ому лицу в речи взрослых носителей языка воспринимается как аномальное явление. Однако в официально-служебных высказываниях типа *Сабуров у телефона (слушает), Капитан Ярцев прибыл по вашему приказанию* персонализация по 1-ому лицу узаконена языковым «кодексом», так как здесь она помогает сразу же определить говорящего с позиции слушающего (для последнего это звучит как 3-е лицо). Персонализация имени существительного по 1-ому лицу носит окказиональный характер, а персонализация по 2-ому и по 3-ему лицу является постоянной, узуальной. Поэтому значение 2-го лица, функционально закрепленное за прямым независимым падежом имени существительного, может служить формальным показателем вторичности.

Третий компонент семантической структуры стандартизованного обращения — звательность, т. е. особое значение призыва к речевому контакту, осложненное различными модально-волевыми оттенками побуждения, предостережения, вежливости и т. п. Звательность опирается на адресативность и вторичность, дополняет их и одновременно сигнализирует о них, так как имеет прямой выход «на поверхность» через звательную интонацию. Звательная интонация и содержание звательности (призыв к речевому контакту) неотделимы друг от друга; звательная интонация выступает поэтому как внешний показатель звательности. Но в силу взаимосвязанности семантических компонентов обращения этот показатель экстраполируется обращению в целом и становится безупречным индикатором компонента предложения, наделенного звательностью. Поэтому правомерно утверждать, что в триедином комплексе семантических признаков обращения звательность имеет сигнификативную функцию. В этом плане обращение уместно сопоставить с императивом как побудительной единицей, где грамматическое значение (требование совершить какое-либо действие) неотделимо от побудительной интонации, которая становится едва ли не самым главным средством выражения этого значения.

Звательная интонация является главным и наиболее универсальным средством выражения звательности, так как в нормированной литературной речи значение призыва к речевому контакту выражается только через звательную интонацию, а в некодифицированной речи звательная интонация выражает это значение совместно со специализированными грамматическими формами. К числу последних относятся вокатив, являющийся, по существу, реликтовой (остаточной) грамматической формой, потому что в современном русском языке он не существует как реальный компонент системы падежей, но формы, построенные по образцу старого вокатива, используются и в разговорной и в художественно-поэтической речи: *Прощайте, старче*, — крикнул ему Огнев (А. Чехов); *Слушай, сынку!* Объявился у нас в кустах человек,

сидит и чего-то выглядывает (А. Гайдар). Кроме того, в некодифицированной речи возродилась, как считают некоторые исследователи, тенденция языкового выражения звательности, утраченная с исчезновением звательной формы, и в русских народных говорах и в разговорно-бытовой речи развились новые специализированные формы обращений — усеченные образования типа *мам (мамк), пап (папк), Вань (Ваньк)* и т. п.! *Мамк!* Слезь, вымой руки мне (М. Горький); *Вань, ты выйди спроси дорогу,* — насмешливо посоветовал стрелок-радист (А. Иванов). Думается, что к специализированным средствам выражения звательности правомерно отнести и достаточно регулярные в некодифицированной речи конструкции с различной компоновкой полной и усеченной форм имени, которые связаны усилительной частью *а*, подчеркивающей побудительный смысл обращения: *Лейтенант, а лейтенант, завтракать!* — сквозь пчелиное гуденье послышался крик снизу (Ю. Бондарев); *Жень, а Жень, тебе не забю?* Пойдем к огню! (С. Сартаков).

Возникновение новых специализированных средств выражения звательности вызвано, видимо, естественным сопротивлением языка существованию омонимичных форм именительного падежа, основанных на расхождении в значении лица: 3-го у именительного повествовательного, выполняющего функцию подлежащего, и 2-го у именительного звательного, выполняющего функцию обращения. Стремление к устранению омонимии на основе формальной дифференциации в первую очередь проявилось в сфере некодифицированной речи, обслуживающей живое общение людей, при котором особенно часто появляются препятствия, вызванные наличием омонимичных форм именительного падежа. Оптимальный путь к устранению этих препятствий — порождение форм, отличающихся по «внешнему виду» от именительного повествовательного и сохраняющих «смысл» именительного звательного.

Стандартизованное обращение отличается тем, что в пределах его обобщенного значения существует строгая организация семантических компонентов. Семы стандартизованного обращения состоят в своеобразных градационно-рекурсивных отношениях, при которых, наряду с генетической зависимостью одного компонента семантической структуры от другого, наблюдается «обратная» ориентация зависимого компонента, направленная на расширение и уточнение значения генетически исходного компонента. Действительно, сема вторичности порождается семой адресативности, но служит она для уточнения содержания первой. В свою очередь, звательность, порожденная адресативностью и вторичностью, ориентируется на эту пару компонентов, довершая формирование семантической структуры стандартизованного обращения: благодаря звательности раскрывается «причина» направленности оси коммуникативности на адресата — чтобы обратить внимание слушателя на речь говорящего и побудить его к вступлению в речевой контакт с последним. Отмеченная взаимосвязь семантических компонентов стандартизованного обращения позволяет рассматривать их как определенное триединство, каждая составляющая которого имеет свое содержание, но не мыслится без другой.

Вторая особенность семантической структуры стандартизованного обращения состоит в том, что степень устойчивости ее компонентов не одинакова: адресативность и вторичность более устойчивы и сохраняются у обращения в любом структурно-семантическом окружении; звательность же динамична и в определенных условиях может либо интенсифицироваться, либо стираться, угасать вплоть до полного исчезновения. Кроме того, в определенной грамматической среде семантическая структура стандартизованного обращения может попол-

няться новыми компонентами, давая ту или иную функционально-семантическую модификацию обращения. Такая способность стандартизованного обращения изменять набор семантических компонентов обуславливает основное свойство обращения как синтаксической единицы — семантико-синтаксическую полифункциональность.

¹ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 211; см. также: Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, с. 101.

² См.: Юдкин И. Е. К вопросу об обращении (морфологическая и синтаксическая природа обращения в современном русском языке). Тбилиси, 1956, с. 5; Проищев В. П. Синтаксис обращения. Л., 1971, с. 69.

³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 91.

⁴ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945, с. 195.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова